

неприкосновенный запас 6 [098] 2014

ЖУРНАЛ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ ДЕПОЛИТИЗАЦИИ	003	Фредрик Джеймисон. Модернизм как идеология
МНОЖЕСТВЕННОСТЬ МОДЕРНОВ	036	Йохан Арнасон. Определение цивилизаций: предварительная модель
	045	Руслан Браславский, Михаил Масловский. Цивилизационный анализ и советский модерн
	056	Юлия Прозорова. Постсоветские трансформации в России: цивилизационно-аналитический подход
	068	Михаил Минаков. Постсоветская демодернизация: период нового околдования?
ПОЛИТЭКОНОМИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	085	Наш паровоз... Культурная политика как инструмент демодернизации <i>Страницы Ильи Калинина</i>
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	095	Григорий Тульчинский. Политические трансформации в России и современная политическая наука
ЖИЗНЬ И ФОРМЫ СОВРЕМЕННОСТИ	113	Сергей Зенкин. «Декаданс» в идейном контексте современности
	123	Тимоти Митчелл. Сцена «современности»
	140	Игорь Кобылин. Модерн против модерна: «современность» как двойное различие
ОЧЕРКИ ПРАВОВ	147	Игорь Смирнов. Безвременье
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	159	Боюсь не успеть <i>Страницы Алексея Левинсона</i>
CASE STUDY 1	167	Анна Шадрина. «Жизнь без боли»: детская психологическая травма между советской и постсоветской модернизациями
ПРЕВРАЩЕНИЯ МОДЕРНА	186	Кристофер Норрис. Деконструкция <i>versus</i> постмодернизм: эпистемология, этика, эстетика
	210	Антуан Компаньон. Ролан Барт как Поликарп Смирнский
	243	Александр Храмов. Как пчела превратилась в волка: дети-дикари и антропология модерна

СТАРОСВЕТСКИЕ ХРОНИКИ	265	Пиррова победа революции <i>Страницы КИРИЛЛА КОБРИНА</i>
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	275	Ольга РОГИНСКАЯ. Впечатлить и растрогать: смех и слезы театральной модерности
ИНТЕРВЬЮ «НЗ»	285	Публичный интеллект и его роль в современном мире. <i>Интервью ДЖЕРЕМИ ШИРМУРА РИЧАРДУ МАРШАЛЛУ</i>
CASE STUDY 2	302	Алек Д. Эпштейн, Андрей Кожевников. Неслучайно забытый мыслитель: Пьер Леру и вычеркнутые из памяти истоки демократического солидаризма
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	321	Андрей Макарычев. Большие украинские дебаты: неизбежности раскола
НОВЫЕ КНИГИ	329	Юрий Зарецкий. Как писать историю университета
SUMMARY	339	

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Илья Калинин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов
Кирилл Кобрин

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Михаил Шиянов
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:

dosugibugi@gmail.com

Заказ 7, Тираж 1000

Отпечатано в ООО "Чебоксарская типография №1"
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15
Тел.: 8(8352)28-77-98, 57-01-87
Сайт: www.volga-print.ru

Почтовый адрес редакции
129626, Москва,
а/я 55, Россия
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlo.magazine.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/rus/
nz-online

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Агентство «Медиа Пресс»
(в объединенном каталоге
«Пресса России»):
подписной индекс 42756

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218

e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-X
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2014

Как писать историю университета

Юрий
Зарецкий

Все заключается в трех словах: быть верным истине, беспристрастным и скромным. Обязанность историка трудно выполнить: вы знаете, что он должен казаться человеком без отечества, без веры, без государя. [...] Все, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повода к возбуждению к себе подозрения в лести.

Герхард Фридрих Миллер

Историки и документы

Историю пишут по источникам. Это трюизм давно известный историкам – да и не только им. Действительно, как может быть иначе? Если в рассказе о прошлом не опираться на его собственные свидетельства, то это будет не наука, а литература – скажем, исторический роман, в котором авторская фантазия ничем не ограничена и от которого никто не ожидает правдивости.

Чаще всего свидетельствами, с которыми имеет дело историк, являются письменные документы – как рукописные, за которыми нужно идти в архивы, так и печатные, опубликованные кем-то, в этих архивах уже побывавшим и эти документы уже державшим в руках. Но каждый историк, конечно, мечтает о том, чтобы быть первооткрывателем, то есть, разбирая пыльные папки какого-нибудь архива, обнаружить что-то очень

Юрий Зарецкий (р. 1953) – историк культуры, профессор факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Ф

НОВЫЕ
КНИГИ

важное, не замеченное предшественниками и позволяющее совсем по-иному взглянуть на то или иное историческое событие или явление. Увы, сегодня такие удачи случаются все реже и реже: тысячи исследователей в архивах уже основательно покопались и либо использовали свои находки в собственных трудах, либо опубликовали их в сборниках документов.

Впрочем, не обязательно – все зависит от того, что считать важным, а это в свою очередь зависит от того, что именно интересует историка: ценность документа для него во многом определяется тем, с какими вопросами он обращается к прошлому. А поскольку вопросы эти меняются, новые открытия в архивах продолжают. Если говорить, например, о досоветской России, то здесь вряд ли стоит рассчитывать на сенсационные находки, связанные с политической или дипломатической историей, – поколения дотошных специалистов проделали огромную работу, чтобы разыскать и выставить на всеобщее обозрение главные документы, относящиеся к этим традиционным историографическим направлениям. Но вот если взять сравнительно новые – например, изучение повседневной жизни простых людей или того, что Арон Гуревич называл «картиной мира», – открытия в архивах, похоже, только начинаются¹.

Признание особой ценности документов для исторического исследования привело к складыванию идеальной модели работы историка, согласно которой, на всех ее этапах он должен действовать самостоятельно, ни на кого не полагаясь. То есть сначала найти материалы в архиве, потом разобрать их содержание, отобрать самые нужные, подвергнуть их критическому анализу, сопоставить с другими, расположить в хронологической последовательности и только после этого использовать в своем труде. Только на таким образом добытых сведениях историк сможет составить для себя максимально точную и непредвзятую картину прошлого и затем рассказать своим читателям о том, «как было на самом деле».

В наши дни такое представление о работе историка выглядит, конечно, во многом наивным. Однако привлечение архивных (то есть неопубликованных) документов не потеряло своего значения – сегодня это по-прежнему считается несомненным достоинством исторического исследования. А если говорить о диссертациях по истории, то часто даже негласным требованием к ним. На практике, однако, последовательно реализовать этот идеал в большинстве случаев просто невозможно: что, например, если историку приходится опираться в своем исследовании на десятки или даже сотни документов? И к тому же, если они находятся в архивах, разбросанных по разным городам и

¹ См., например, исследования: Кошелева О.Е. *Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени*. М.: ОГИ, 2004; Бошкowska Н. *Мир русской женщины XVII столетия*. СПб.: Алетейя, 2014.

странам? Или если эти документы написаны на языках, которыми он не владеет? Другой вопрос, как быть, если они уже опубликованы? Разумно ли не доверять своим ученым коллегам и снова идти в архив, чтобы перепроверить их работу? Последнее случается нечасто: историки, экономя свое время и силы, предпочитают использовать научные публикации документов, дополняя лакуны собственными находками.

ЮРИЙ ЗАРЕЦКИЙ
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ
УНИВЕРСИТЕТА

Документы по истории Московского университета

Все эти общие соображения самым непосредственным образом связаны с нашим сюжетом – историей Московского университета в XVIII веке. Каково состояние, если пользоваться профессиональным жаргоном, «источниковой базы» ее изучения?

Общезвестно, что эта база небогата. Прежде всего вследствие печальной судьбы университетского архива, большая часть которого сгорела в пожаре 1812 года. Уцелевшие документы, исключительно важные для понимания начального периода его истории, долгое время оставались неопубликованными – вплоть до 1960 года, когда вышла первая книга трехтомника «Документы и материалы по истории Московского университета», подготовленная к печати Ниной Пенчко – главным библиотекарем Отдела редких книг и рукописей библиотеки МГУ. В основу издания, завершившегося в 1963 году², легли материалы так называемого «Снегиревского» собрания рукописей из рукописного отдела библиотеки: в основном протоколы заседаний университетской Конференции, распоряжения кураторов, рапорты директоров и некоторые документы Сената, относящиеся к работе университета.

Подготовка издания стала результатом многолетней работы составителя и ее безусловным научным подвигом. А выход трехтомника из печати превратился в важнейшее событие не только для МГУ, но и для всех, интересующихся начальной историей главного университета страны. Впервые широкому кругу исследователей и просто любознательных читателей были представлены снабженные комментариями и переводами (выполненными, кстати, самой Ниной Пенчко) документы о его деятельности с 1756-го по 1786 год. Теперь они могли не только уточнить сведения, сообщенные Степаном Шевыревым в его известном труде по ранней истории университета, приуроченном к его столетию³,

2 *Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: В 3 т.* / Подг. к печ., ком. Н. А. Пенчко. М.: Издательство МГУ, 1960–1963.

3 Шевырев С. П. *История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею*. М.: Унив. тип., 1855.

а также составителями вышедшего одновременно с ним двухтомного биографического словаря университетских профессоров и преподавателей⁴, но и существенно их дополнить.

Публикация трехтомника способствовала и появлению новых работ – хотя нельзя сказать, что многочисленных: первые десятилетия после основания университета не вызывали особого интереса в советской историографии. Прежде всего из-за безусловного доминирования в ней возродившегося во второй половине 1930-х годов направления, которое Павел Милуков называл «патриотически-панегирическим»⁵. Сторонники советской версии этого направления исходили из того, что «период засилья иностранцев», наступивший после основания университета Ломоносовым, не является в его истории значимым. Такая интерпретация была усилена присвоением университету в 1940 году имени выдающегося русского ученого, подъемом патриотических настроений в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания кампанией по борьбе с космополитизмом. Позднее она была канонизирована в книге Михаила Белявского, приуроченной к двухсотлетнему юбилею университета⁶. Другой причиной был ограниченный круг документов университетского архива, относящихся к этому периоду. Поскольку в трехтомнике Пенчко было опубликовано практически все, что от этого архива осталось после пожара, считалось, что поиски документов в других архивах малоперспективны и не смогут привести к значительным открытиям – и, соответственно, внести новые акценты в сложившийся канонический рассказ.

Такое положение вещей стало меняться только в последнее время. Исследователи начали проявлять живой интерес к самым разным сторонам ранней истории университета, задаваться новыми вопросами и в поисках ответов на них идти в архивы. В результате появилась целая серия фундаментальных работ об университетах России второй половины XVIII – начала XIX века, центральное место в которых, конечно, занимал Московский университет⁷. Однако открытия новых архивных документов в этих работах носили спорадический характер и не меняли общего представления о скудости сохранившихся исторических свидетельств.

- 4 Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 1. М.: Унив. тип., 1855.
- 5 Милуков П. Главные течения русской исторической мысли. М.: Типо-литография Кушнеров и К°, 1898. Т. 1. С. 100.
- 6 Белявский М.Т. Ломоносов и основание Московского университета. М.: Издательство Московского университета, 1955.
- 7 Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М.: Издательство МГУ, 2002. Т. 1; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый хронограф, 2006; Андреев А.Ю. Российские университеты в контексте университетской истории Европы. М.: Языки славянской культуры, 2009; Императорский Московский университет. 1755–1917. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2010.

«История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Сборник документов»

ЮРИЙ ЗАРЕЦКИЙ
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ
УНИВЕРСИТЕТА

Но тут появляется исследователь, который обнаруживает, что такое представление ошибочно: в различных архивах нас продолжают ждать многочисленные полузабытые, а иногда и до сих пор неизвестные документы, которые не только частично восполняют безвозвратно утраченное во время пожара, но и существенно расширяют круг источников по ранней истории университета. А это значит, что есть возможность воссоздать ее гораздо полнее – или даже (кто знает?) полностью переосмыслить.

Эта убежденность приводит ученого к идее грандиозного проекта: разыскать и опубликовать *все* основные документы по истории Московского университета за первые пятьдесят лет его существования – кроме изданных Пенчко. С самого начала было понятно, что для этого потребуется не один том. Но, сколько именно, оставалось неясным. Первоначально предполагалось, что каждый том будет включать документы за 2–3 года, но вскоре выяснилось, что этих документов так много, что томов в итоге может получиться едва ли не пятьдесят: по одному на каждый год. Однако масштабность проекта не остановила историка, и начало публикации многотомника было положено⁸.

Уже первые два тома, вышедшие под редакцией Евгения Рычаловского в 2006-м и 2011 годах, явно указывали на то, что новое издание имеет все основания называться академическим: его отличают тщательный подбор материала, скрупулезный археографический анализ, подробные комментарии, исчерпывающая библиография. И, конечно, остальные атрибуты научного издания такого рода: списки архивных фондов, опубликованных источников, сокращений, словарь терминов и два указателя имен (исторических и мифологических персонажей). Сверх этого, в справочный аппарат каждого тома включен перечень архивных документов, не вошедших в публикацию, – как бы приглашающий других, если у них появится такая необходимость, углубиться в детали.

Структура томов однородна: основная часть (разного происхождения документы, непосредственно относящиеся к работе университета) и две части дополнений. В первой из них воспроизводятся малотиражные печатные издания университета: объявления, речи профессоров, заметки об университете в периодической печати (преимущественно в «Московских ведомостях»); вторая содержит письма (в основном переписку

⁸ История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Сборник документов / Сост., вступ. статья и прим. Д.Н. Костышина. М.: Academia, 2006–2014. Т. 1–3.

профессоров университета с конференц-секретарем Академии наук Герхардом Фридрихом Миллером). В третьем томе, впрочем, появляется и еще одна часть дополнений: поименные списки студентов университета и учащихся его гимназий за 1757 год – итог кропотливого анализа и сопоставления составителем десятков архивных документов.

В итоге каждый том содержит материалы, дающие представление о работе университета с самых разных сторон: документы Сената и Академии наук, распоряжения кураторов, переписка по поводу приглашения в университет профессоров, их речи на университетских торжественных собраниях, аттестаты учеников гимназии и еще десятки документов самых разных типов. Так же, как и в сборнике Пенчко, все иностранные тексты приводятся сначала на языке оригинала, а затем в русском переводе. Что касается комментариев, то они более развернуты и обстоятельны – как будто в каждом случае их автор ставил перед собой задачу использовать *всю* главную литературу и *все* главные источники. И похоже – во что трудно поверить, – он с этой задачей справился.

Внимательный читатель заметит, что во втором и третьем томах биографии упоминаемых в документах персонажей (в основном это университетские и гимназические преподаватели) становятся более развернутыми, часто превращаясь в самостоятельные очерки на несколько страниц – причем очерки строго документированные. Реконструируя события жизни своих героев, Дмитрий Костышин упрямо следует идеальной модели работы историка, о которой шла речь в начале этой статьи: пройти весь путь от начала до конца самостоятельно, строя свой рассказ исключительно на основании проверенных документальных свидетельств.

Примером сказанному может служить биография выпускника университетской гимназии и впоследствии профессора университета Матвея Афонина (1739–1810), которая занимает в третьем томе больше десяти страниц (с. 583–594). Как сложились жизнь и карьера этого человека? Костышиным дотошно прослеживаются все их главные повороты. Родился в дворянской семье, в 1758 году окончил гимназию с золотой медалью, однако получить ее не успел, так как по распоряжению куратора университета Ивана Шувалова был направлен на учебу сначала в Кёнигсбергский, а затем в Упсальский университет «для обучения горным наукам и земледелию». «По причине дороговизны в Швеции» размер его жалования там был удвоен и составил триста рублей в год. В Упсале он слушал лекции по натуральной истории, изучал пробирную науку (искусство определять состав и количество металла в руде), металлургию и практическую химию, минералогия, галургию (соляное

дело). А 17 мая 1766 года на медицинском факультете защитил написанную под руководством Карла Линнея докторскую диссертацию о пользе естественной истории в общественной жизни. Как потом свидетельствовал сам Линней в выданном Афонину аттестате, «при единогласном одобрении и рукоплесканиях всей аудитории». По возвращении Афонина в родной Московский университет, однако, его встретил неожиданный прием: в соответствии с распоряжением куратора Василия Адодурова для получения профессорской должности ему были назначены экзамены по всем (!) наукам, обучение которым он успешно завершил в одном из лучших университетов Европы того времени. Эти экзамены молодой доктор успешно выдержал и был зачислен экстраординарным профессором, однако его дальнейшая карьера сопровождалась постоянными притеснениями со стороны куратора – вплоть до 1777 года, когда он был вынужден подать прошение об отставке «по причине слабого здоровья». После этого Афонин десять лет служил в разных ведомствах, занимая в них почетные должности, в 1786 году ушел в отставку и закончил свои дни в Николаеве. Здесь он занимался археологией, земледелием и вспоминал о том, что некогда был «близок к бессмертному Линнею».

Но вернемся к общей характеристике сборника, точнее, имеющихся на сегодняшний день первых трех его томов. Что можно добавить к уже сказанному? Прежде всего, что опубликованные документы позволяют гораздо полнее, а иногда и по-новому представить многие стороны работы университета в его первые годы. В частности, яснее увидеть характер взаимоотношений между его руководством и верховной властью, узнать имена его студентов и гимназистов, погрузиться в «структуры повседневности» университета, оценить роль Миллера в его становлении, ближе познакомиться с организацией преподавания и проблемами, с которыми сталкивались университетские профессора и учителя гимназий, с природой возникавших между ними споров и многим другим.

Кроме того, эти документы создают контекст для более глубокого осмысления материалов, опубликованных Ниной Пенчко, а подробные комментарии к ним – особенно детальные биографии профессоров и преподавателей – рисуют «человеческую» картину не только университетской жизни второй половины XVIII века, но и российской действительности в целом. Нельзя не добавить, что эти документы вносят также весомый вклад в избавление ранней истории Московского университета от старых клише «патриотической» историографии, представляющей ее как поле битвы «немецких» и русских профессоров: никаких свидетельств этому в них просто не встречается.

ЮРИЙ ЗАРЕЦКИЙ
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ
УНИВЕРСИТЕТА

Если значимость выбранных для публикации материалов, их организация и уровень археографической подготовки в этом издании вряд ли могут вызвать серьезные критические замечания, все же нельзя сказать, что в нем все бесспорно. Но, как это часто бывает, одни и те же характеристики могут рассматриваться и как достоинства, и как недостатки. Например, подробные комментарии, в том числе и биографии, о которых только что шла речь, – не утяжеляют ли они издание? Может показаться спорным и состав «Словаря терминов» в третьем томе. Нужно ли, например, пояснять читателю, что такое геодезия, геральдика и гидравлика? Если это, скажем, студенты-гуманитарии, то эти пояснения скорее всего будут не лишними; хотя их профессорами они явно будут встречены с ухмылкой.

Где же обнаружил составитель все эти сокровища? Большую их часть – в Российском государственном архиве древних актов, давно и хорошо известном всем историкам России XVIII века. Но также и в других, в том числе и зарубежных: Архиве внешней политики Российской империи, Государственном архиве Российской Федерации, Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Национальном архиве Республики Татарстан, Отделе письменных источников Государственного исторического музея, Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве военно-морского флота, Российском государственном военно-историческом архиве, Санкт-Петербургском филиале архива РАН, Центральном историческом архиве Москвы, Universitätsarchiv Tübingen, Burgerbibliothek Bern.

Нет сомнений, что документы, которые будут опубликованы в следующих томах издания, расширят этот список. И так же нет сомнений в том, что из этих документов нам предстоит узнать много нового об истории главного университета страны.

Тогда и теперь

Начатая этими первыми тремя томами новая публикация материалов по истории Московского университета – несомненное событие. Не меньшее, чем сорок лет назад был сборник документов Нины Пенчко. И так же, как и первый сборник, – образец высокого профессионализма и самоотверженного труда. Однако между обоими изданиями невозможно не увидеть и отличий, во многом продиктованных временем и обстоятельствами их составления.

«Документы и материалы» вышли в свет в период тотального господства марксистской идеологии советского образца, требовавшей классового подхода к рассмотрению исторических явлений – и, несмотря на декларируемый интернационализм, особого акцента на «великих заслугах русского народа». Не удивительно, что эти требования в полной мере нашли отражение в предисловии и комментариях к опубликованным документам. Новый сборник появился уже в другое время: над исследователем больше не довлеет официальная идеология, и он может руководствоваться исключительно собственными представлениями о том, что должно. Безусловно, именно это мы и видим в первых трех томах сборника документов «История Московского университета». Их составитель явно стремится к тому, чтобы, следуя завету Миллера, «казаться человеком без отечества, без веры, без государя». Факты, только факты – и никаких пристрастий. Свои оценки и умозаключения (которые, конечно, как и у каждого человека, у него присутствуют) он держит «при себе». Избегает и обобщений – пусть это делают другие. Его дело – дать им для этих обобщений достоверные материалы. Впрочем, за многолетней невероятно кропотливой работой по поиску, критическому анализу, воспроизведению и комментированию документов сборника видится и пафос иконокласта: до сих пор мы мало знаем об истории Московского университета XVIII века, написанное о нем историками полно неточностей, а многое вообще в действительности было совсем не так.

ЮРИЙ ЗАРЕЦКИЙ
КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ
УНИВЕРСИТЕТА

Остается сказать об авторе и единственном исполнителе этого грандиозного научно-исследовательского и издательского проекта. Его зовут Дмитрий Костышин – независимый исследователь, член Российского общества по изучению XVIII века. И сделать еще одно добавление: ни в одном из опубликованных трех томов нет упоминаний об источниках финансирования проекта. Может быть, исследователь осуществляет его за собственный счет?

Об эпиграфе

Приведенные в самом начале этой статьи слова первого русского историографа взяты из «Истории Императорской академии наук» Петра Пекарского, вышедшей в 1870 году⁹. Они хорошо известны и не раз цитировались и интерпретировались исследователями. Сегодня, за редким исключением, их понимают как кредо Миллера-историка, борца за торжество

⁹ Пекарский П. П. *История Императорской академии наук в Петербурге*. Санкт-Петербург: Издание Отд. рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1870. Т. 1. С. 381.

критического разума и независимости научного знания¹⁰. Однако мало кто из исследователей обращал внимание на то, что Миллер говорит здесь не об истории вообще, а как раз об истории Московского университета. И совсем единицы – на то, что Миллер обращался к человеку, который хотел ее написать. У Пекарского приведенной цитате предшествуют слова:

«Я весьма одобряю ваше намерение составить историю московского университета. Так как вам угодно мне доверить разбор ея, то позвольте вам предварительно высказать мои мысли на счет составления такой истории»¹¹.

Кто был этот человек? Историки до сих пор удовлетворяются сведениями, сообщенными Пекарским: письмо было адресовано неизвестному корреспонденту и датируется примерно 1760 годом.

Но вот в архив приходит Костышин, копается в знаменитых «Портфелях Миллера» и все проясняет: письмо написано 24 апреля 1760 года и является ответом Миллера Филиппу Генриху Дильтею – первому профессору истории Московского университета¹². С обоими письмами можно будет ознакомиться в одном из следующих томов, которые сейчас готовятся к печати.

Остается надеяться, что это случится скоро.

10 См., например: Каменский А.Б. *Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю* // Ломоносов М.В. *Сборник статей и материалов*. СПб., 1991. Т. IX. С. 39–48; М.В. Ломоносов и Г.Ф. Миллер: *спор разных историографических культур* // Ейдос: альманах теорії та історії історичної науки (Київ). 2009. Вип. 4. С. 331–354.

11 Пекарский П.П. *Указ. соч.* С. 381.

12 См. о нем: Зарецкий Ю.П. *История в Московском университете. Начало* // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 5(85). С. 179–193.